

Экономическая стратегия: Выбор новой модели

Владимир Мау

Ведомости

19.01.2011

Одна из иллюзий структурного кризиса — ожидание возвращения «старого доброго времени», т. е. восстановления старой модели роста. Кризис, подобный нынешнему, предполагает формирование новой модели экономического развития, и лишь с ее появлением начинается преодоление кризиса. А преимущества на выходе из кризиса получают те страны, которые способны сформировать эту модель и наиболее последовательно и решительно реализовать ее на практике. Именно в обретении новой модели роста состоит стимулирующая роль структурного кризиса и шанс отдельных стран в результате кризиса совершить рывок в своем развитии.

В настоящее время перед Россией открывается два варианта социально-экономической политики, причем выбор остается за политической элитой и должен быть сделан в ближайшее время.

Первый вариант предполагает развитие существующей модели роста и ее адаптации к появляющимся вызовам по мере их появления. Государство в этой конструкции является основным источником роста — и как источник ключевых финансовых ресурсов, и как нейтрализатор «рыночной стихии», и как держатель ключевых институтов, необходимых для экономического роста. Государство определяет приоритеты, концентрирует на них политический и финансовый ресурс, выстраивает финансовую систему, опираясь на принадлежащие государству банки и биржи, напрямую руководит ключевыми производственными компаниями (контролирует «командные высоты»). Государственный спрос не только на товары и услуги, но и на институты оказывается здесь системообразующим. От государства же зависит в значительной мере и спрос домохозяйств.

Второй вариант предполагает усиление роли частных источников роста (частных фирм и домохозяйств). Они должны замещать и постепенно вытеснять государство из непосредственной предпринимательской зоны. Государство должно создавать максимально благоприятные условия для функционирования частных экономических агентов, стимулировать их интерес к развитию, т. е. стимулировать предложение товаров и услуг на рынке.

Эта дихотомия хорошо известна из экономической теории и экономической истории. Она зародилась задолго до появления современного глобального кризиса. Выбор между экономикой спроса и экономикой предложения лежит в основе характерной для всего XX века дискуссии между кейнсианскими и неоклассическими моделями экономического роста.

Еще более актуальна эта тема для стран с развивающейся экономикой (или стран догоняющей модернизации). Анализируя опыт Германии и России второй половины XIX — начала XX в., А. Гершенкрон показал, что в условиях догоняющего развития государство должно брать на себя компенсацию рыночной неопределенности и особенно слабость только зарождающихся рыночных институтов. Однако последующее развитие событий показало, что за это избыточное вмешательство государства впоследствии обществу приходится платить немалую цену — политическую и экономическую. «Большое государство» закостенеет и с какого-то момента времени становится препятствием для современного экономического роста, и преодоление этого препятствия требует затратить немало ресурсов, а то и жертв.

Действующая модель роста — экономика спроса

Основными элементами этой модели являются обеспечение высокого уровня социальной и политической стабильности в обществе в качестве ключевой цели, к которой стремится правительство, наличие высоких и растущих цен на углеводороды, наращивание бюджетных расходов как важнейшего источника спроса, постепенное повышение налогов, сохранение значительного инфляционного потенциала, усиление роли индивидуальных (адресных) решений в противовес созданию общих правил игры.

Сложившаяся в 2000-х гг. и действующая поныне модель экономического роста основывается на наличии значимых, дешевых и незаработанных финансовых ресурсов, источником которых является не рост производительности труда, а благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура. Собственно, такая модель с некоторыми модификациями существует в России с 1970-х гг., и в настоящее время она является почти столь же популярной, как в то первое десятилетие ее эксплуатации. Быстро растущие расходы государственного бюджета или требуют еще более быстрого роста цен на энергоресурсы, или оборачиваются бюджетным дефицитом.

Государство выступает важнейшим источником спроса в экономике. Прежде всего это спрос со стороны средних и бедных слоев населения, связанных с государственным бюджетом, — пенсионеров, безработных, государственных служащих и военных, а также примыкающих к ним работников госкорпораций. Существенную роль играет финансирование силовых структур, как в части содержания военнослужащих, так и закупки вооружений. (Впрочем, 2010 год стал в определенном смысле переломным, поскольку Россия объявила о крупных военных закупках в странах НАТО.)

Еще одной мощной сферой государственного спроса являются инвестиции в инфраструктуру, однако, исходя из высокого уровня коррупции в этом секторе, правительство весьма осторожно в своих инфраструктурных вложениях — в отличие от социальных расходов.

Выбор между инфраструктурным и социальным приоритетами является непростым. Социальные расходы попадают на более конкурентный рынок, и они действительно могут обеспечить рост потребления. Инфраструктурные секторы более монополизированы, и инвестиции в них приводят скорее к повышению цен (тарифов), а не к росту предложения соответствующих товаров и услуг.

В то же время социальные расходы в значительной мере влияют на рост инфляции, а также предъявляют повышенный спрос на товары дешевого импорта. Как показала практика последних лет, рост спроса на дешевые товары и услуги удовлетворяется не отечественным товаропроизводителем, а поставками из стран с дешевым трудом (прежде всего из Азии). Это ограничивает стимулирующий потенциал бюджетных расходов.

В какой-то мере этот спрос можно было бы компенсировать курсовой политикой, т. е. сдерживанием укрепления рубля, однако возможности денежных властей в этой сфере весьма ограничены. Особенно при данном высоком уровне цен на углеводороды.

Еще одной проблемой социальных расходов является их необратимый характер. Отказаться от взятых социальных обязательств можно только в условиях тяжелого политического и экономического кризиса. Здесь нельзя прибегнуть к аргументам отсутствия должного уровня доходов бюджета. Расходы на инфраструктуру в этом смысле гораздо более политизированные, от них легче отказываться.

Приоритет социальной стабильности в этой модели будет подталкивать к проведению консервативной политики на рынке труда — политики, препятствующей высвобождению занятых, а значит, и структурному обновлению. Высвобождение будет допустимо только очень осторожное и под контролем государства. Это может давать серьезные позитивные

результаты, как продемонстрировал пример «АвтоВАЗа» в 2010 г. Однако тиражирование этого позитивного опыта в массовом масштабе практически невозможно.

Обеспечение макроэкономической и социальной стабильности будет требовать роста налогов, т. е. пересмотра политики последних 15 лет.

Наконец, экономика, основанная на государственном спросе, принципиально более склонна к сохранению и поддержанию монополий, а также к инфляции. Монополии будут обеспечивать стабильность экономико-политической ситуации, хотя и ценой более низкого качества товаров и услуг при более высокой инфляции.

Доминирование государственного спроса смягчит потребность экономических агентов в снижении инфляции, поскольку государственные инвестиции будут более важны, чем частные, а именно для частного инвестора более важна низкая инфляция как предпосылка снижения процентных ставок.

Государство будет, по-видимому, усиливать индивидуальный (адресный) характер своих решений, предоставляя стимулирующие льготы для отдельных типов инвесторов и производителей. Льготы, компенсирующие повышение налогов, высокие процентные ставки и высокие административные барьеры.

Императив модернизации — экономика предложения

Модернизация должна сделать основной акцент не только (и даже не столько) на темпы роста, сколько на его качество. Это требует выработки новой модели роста, основанной на стимулировании предложения товаров и услуг, т. е. на создании условий для успешного функционирования и развития агентов экономической жизни.

Можно выделить следующие основные элементы этой модели.

Во-первых, снижение, а не рост бюджетной нагрузки к ВВП, т. е. снижение расходов бюджета и налогов. Практически все успешные примеры догоняющего развития в постиндустриальном мире происходили в странах с более низкой бюджетной нагрузкой, чем в странах самых передовых. (В этом состоит принципиальное отличие современного догоняющего развития от догоняющего развития в индустриальную эпоху XIX-XX вв.) Особенно важно недопущение роста (и постепенное снижение) налогов на труд.

Во-вторых, восстановление макроэкономической сбалансированности, т. е. сокращение бюджетного дефицита при рационализации и повышении эффективности бюджетных расходов.

В-третьих, валютная политика должна быть благоприятна для инвестиционного процесса. Это означает поэтапное продвижение к превращению рубля в региональную резервную валюту. В связи с тем что существенно снижается эффективность стимулирования внутреннего производства путем сдерживания укрепления курса национальной валюты, необходимо на практике перейти к таргетированию инфляции, что позволит удерживать процентные ставки на приемлемом для инвесторов уровне.

В-четвертых, обеспечение открытости экономики как важнейшего условия стимулирования внутренней конкуренции. Развитие Таможенного союза, единого экономического пространства, присоединение к ВТО и ОЭСР. В перспективе — продвижение к единому экономическому пространству с ЕС, что может рассматриваться в качестве стратегической цели внешнеэкономической политики. Все это не отрицает мер по текущей поддержке несырьевого экспорта.

В-пятых, нейтрализация конъюнктурных доходов. Возвращение к идеологии и практике формирования стабилизационного фонда из средств, вырученных от продажи углеводородов выше определенной (и неизменяемой на протяжении нескольких лет) цены.

В-шестых, глубокое реформирование отраслей человеческого капитала (социального сектора), прежде всего пенсионной системы и здравоохранения. Приведение их в соответствие с демографическими и финансовыми реалиями постиндустриального времени. Усиление частных и индивидуальных принципов функционирования этих секторов, а также привязки их развития к формированию источников долгосрочных инвестиций.

В-седьмых, последовательное проведение приватизации с доминированием в ней не фискальных, а социальных и политических задач — формирование широкого слоя неолигархических собственников средств производства (среднего и крупного бизнеса), формирование среднего класса и привлечение стратегических инвесторов. Такого рода приватизация будет создавать спрос на модернизацию, макроэкономическое оздоровление и структурные реформы, о которых выше шла речь. (Именно так и произошло в 1990-е гг., когда именно начало приватизации открыло путь и для макроэкономической, и для политической стабилизации).

Разумеется, все сказанное не умаляет роли реформ в политической и правоприменительной сферах, направленных на защиту прав собственности, развитие конкуренции и преодоление коррупции. Все это вопросы, о которых за последние годы сказано и написано очень много.